

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА УСТАНОВЛЕНИЯ БИНАРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР

Положение о том, что наблюдаемое сходство между языками с очень высокой вероятностью обусловлено их общим происхождением (а не случайностью или контактным влиянием), нуждается в доказательстве. «Непрофессионалы часто объявляют родственными языки, в которых им удастся обнаружить хотя бы несколько сходных звучащих слов (в России, например, чаще всего оказывается, что ЭТРУССКИЙ язык — Это РУССКИЙ)» [1, с. 96]. Японист А. Драгункин, ставший известным в том числе и благодаря выступлениям М. Задорнова, на презентации книги «Пять сенсаций» высказал мнение: «Изучая русский и английский языки, я пришел к выводу, что русский язык является прародителем всех языков. Слышать такое не вполне обычно. Но есть неоспоримые факты, которые показывают, что русский язык является матрицей мироздания всех языков» [2]. По А. Драгункину, «доллар», «цезарь», «фараон», имеют русское происхождение: «Если коротко, то доллар — это доля. Кстати, по-польски доллар будет “долец” — это производное от слова “доля” [2]. Ввиду такого явления, как редукция, когда со временем слово укорачивается (например, «электронщик» на всей территории бывшего СССР дало признанный словарями аналог белорусского происхождения — «электроник»), у того же автора *президент* — это русское *председатель* (‘сидящий впереди’. — А.О.), а *стресс* — это русская *встряска*.

«На самом деле сходство звучания ничего не доказывает — случайные совпадения бывают иногда поразительными: ср. шум. *šü* и кит. *shōu* ‘рука’, — притом, что последнее на самом деле восходит к др.-кит. форме **tlhu* [1, с. 96].

Доказать родство можно, но отсутствие родства недоказуемо [1, с. 103]. По замечанию Е.А. Хелимского, большое значение для развития любой науки имеет выработка эффективных методов, с помощью которых можно было бы проверять выдвигаемые в ее рамках научные гипотезы. Это очень важно, поскольку «неудачные опыты... способны дискредитировать гораздо более фундированные и продуктивные начинания» [3, с. 481].

Нам представляется, что исследование способов знакообразования в типологически противоположных языках, таких как русский и китайский языки, при установлении даже немногочисленных фактов **семантического** тождества, может дать интересные результаты. Ю.В. Рождественский, например, указывал на сравнение типологических характеристик арабского и китайского языков в работах Г.П. Мельникова, которое только еще раз подтверждает необходимость создания новых теорий в типологии [4, с. 55–59]. Предлагаемый в статье фрагмент семантической типологии бинарных знаков восходит к идеям о двучленной структуре каждого вновь образуемого

понятия (Я. Розвадовский) [5] и о явлении семантической конденсации (А.В. Исаченко) [6]. Рассмотрим примеры.

Китайский знак 泵 bèng – *насос* (оборудование для качания жидкости или газа) представляет собой терминологическую метафору. Иероглиф состоит из двух 石 shí пиктограмм: 水 shuǐ ‘камень’ и 水 shuǐ ‘вода’, т. е. «камень сверху давит на воду и вода поднимается».

Знаки в составе номинативной единицы 温度计 wēndù jì — *термометр* (прибор для измерения температуры) буквально означают: 温 wēn ‘тепло’ + 度 dù ‘градус’ + 计 jì ‘мерить’. Семантика бинарного знака 温度 wēndù ‘температура’ представлена в явном виде как повышение (темп) градуса тепла: 温 иероглиф wēn ‘тепло’ состоит из трёх 水

пик 日

皿

тог

рамм: shuǐ ‘вода’, rì ‘солнце’, mǐn ‘посуда’, т. е. «вода в посуде под воздействием солнца нагревается и становится тёплой».

В китайском языке знак 树根 shùgēn *корень* (букв.: *дерево и крепкий*) имеет отношение только к дереву — *корень дерева*. Обращает на себя внимание совпадение китайского звукотипа «*шукен*» с белорусским *шукаць*. Если это не случайное совпадение, тогда процедурально семантика русского знака *искать* могла первично означать *искать корень (дерева)*, где *-ис* — префикс, а *-к-/-ко-*, соответственно, инварианты корневой морфемы. Супплетивное тождество 活 *искать* – *найти* – 动 *ходить* (с чередованием корневых морфем *-к-/-й-/-хо-/-*) указывает на семантику движения. Сравним с кит. huódòng ‘двигаться (движение)’ [7, с. 393] (звукотип *ходун*), где huó ‘живой; жить’, dòng ‘двигаться; трогать’.

Звуковые ассоциации можно встретить и в случаях: 白天 báitiān *днём, в дневное время* (букв.: *белое небо*), где соотносятся кит. 天 tiān и рус. *день* [д’эн’]; кит. 流 liú ‘течь; поток’ и рус. *лить* – *лью* [л’ју]; кит. 父母 fùmǔ

父

母

родители (букв. *отец и мать*) и рус.

фамилия (англ. *family*) и мн.др. В русском

фразеологическом обороте *лить потоки слез* восстанавливается бинарная структура с тавтологией *лить слезы из глаз* 目 (китайский

иероглиф 泪 *слеза* состоит из двух пиктограмм *вода* и 目 *глаз*).

Интересно, что 水 составителями ЭССЯ к праславянскому *lьпъ ‘лён’, помимо первичной мотивации и.-е. *lei- ‘намоченный’ была обнаружена тождественная семантическая модель в др.-инд. *umā ‘лён’ > и.-е. *ūmo ‘сырой, намоченный’ [8, с. 23]. Тогда *лить лён* буквально может означать ‘мочить водой, делать сырым’.

Русское *кусать* и китайское 口 kǒu *рот* соотносимы через восстановление номинативной единицы *кусать кусок устами (ртом)* с усеченной корневой морфемой *-кус-/-ус-/-ку-*. Сравним этимологически однокоренной ряд: *кусать, кусок, вкусить, вкусный, вкус, уста, устный* (в белорусском языке *вусны*), *ус, укус, укусить; скулы, скулить, челюсть* (к//ч).

Предлагаемая типологическая процедура позволяет установить семантически бинарные структуры, реализуемые в ядерной цепочке SIAMO,

где S – собственно субъект, I – инструмент (разновидность субъекта), A – акция, M – медиатор (разновидность объекта, среда), O – собственно субъект [9, с. 20–21, 47–49]. В русском и китайском языках продуктивным способом представления фрагментов данной синтаксической модели выступают тавтологические конструкции: кит. 画画儿 huà huàr *рисовать рисунок*, 玩玩儿 wán wánr *играть игру* и др.; рус. *покрыть крышу, накрыть крышкой, глотать глоткой глоток, кашлять кашлем, бегать бегом, мечтать мечту, танцевать танец, остановить на остановке, дарить дар* и мн.др. «Мысль о зарождении предложения путем расчленения синкретического сигнала типа «гром гремит», изначально обозначавшимся одним звукокомплексом наподобие *grm, впервые высказал М.В. Беляев» [10, с. 59]. «На втором этапе возникают определения к имени и глаголу (**громкий** гром гремит **громко**), а на третьем – **гремящий** громкий гром гремит **гремя**, т. е. происходит распространение предложения за счет расширения предикативной основы» [10, с. 59].

Установление семантического тождества бинарных конструкций происходит путем восстановления консонантных инвариантов корневых морфем. Так, если принять, что *r и *l инвариантны, то *рука* и *луч* процедурально (по функции) могут составить бинарные структуры: *приручить (приучить) к рукам, отлучить (отучить) от рук*. Приведём пример из ЭССЯ [по: 8, с. 37–38]: *lŕčiti ‘разделять, разлучать; соединять’ > *lŕkь ‘*лук, дуга, изгиб*’. Изоглоссное *lŕko(v)ęть (чеш., русс. диал.) ‘*обод колеса, задняя часть сохи*’ образует сложение, параллельное *rŕko(v)ęть, *rŕkojęть ‘*рукоять*’; *lučiti ‘осветить’ > ‘*целиться при свете, попасть в цель, находить, получить*’. Тогда возможны сочетания: *излучить лучом, получить с помощью луча; случить (соединить) лучом* (англ. *to look – смотреть, соединять зрительным лучом*). Корневое чередование -p-/-л- имеет также представление в рекомбинации бинарных структур *обречь* как *обречить речь, обрекать реком, облечь в речь (в слова) (лектор)*; так же *детский лепет* как *первая ре-чь*.

Сокращенный в русском языке объект (дополнение) семантически может восстанавливаться через обращение к соответствующим китайским 他吃饭. предложениям: 1. Он ест пи 我们说话. 2. ест); 2. Мы говорим слова (рус. 他们写字. разговариваем); 3. Они пишут иероглифы 我父亲教书. пишут); 4. _____ Мой отец преподаёт книгу 我弟弟念书. (рус. преподаёт) 5. Мой братишка читает книгу (рус. учится) [11, с. 244]. Рассматривая переходные глаголы, мы восстанавливаем бинарные структуры, например, *собирать сбор, советовать совет* и т.д.

Из санскр. bhārāmi ‘я несу’ после упрощения гласных реконструируется консонантный корень *brm, к которому могут восходить ц.-сл. **брѣмя** и рус. **беремя**. Бинарные структуры здесь – *беременеть беременем, носить бремя*. Китайский знак 𠬞 yùn ‘беременная’ буквально содержит элементы ‘иметь (быть, являться)’ + ‘ребенок’. При инвариантности б//п потенциально

возможно установить семантическое тождество (букв. «**то же самое действие**») знаков *бремя* и *перемена* как **любое** изменение: первично в результате воздействия *бремени* (т. е. любой тяжелой ноши), затем просто в результате любого изменения (например, *перемена* мест).

О.Н. Трубачёв, обращая внимание на поисковые работы в интердисциплинарных зонах областей наук (на стыке огромных и разных культурно-языковых регионов, «на стыке Востока и Запада») отмечал: «Обозначив также для себя эти и другие задачи, впору отшатнуться, имея в виду обширность и труднообозримость «опыта ЭССЯ», его установку на «живое» праславянское слово, на воистину необозримую реализацию **всех** словообразовательных моделей. Это влечёт за собой какую-то ломку сознания («стык лексикографии и психологии», привычные параметры нарушаются («нормальные» этимологические словари выглядят привычно иначе, а здесь после огромных обзорных пассажей идет вовсе и не этимологический анализ, а, например, скупая констатация сложения префикса *на-* с корнем)» [8, с. 6]. И далее: «...речь идет не больше, не меньше как об общей теории языкового развития, если угодно, не одной только славянской, но и шире – общезыковой, общечеловеческой (праславянский как частный пример праязыка вообще)» [8, с. 8].

Литература

1. Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику: учебник. М., 2001.
2. Антонов М. Александр Драгункин: «Доллар» произошел от слова «доля» [Электронный ресурс] // Смена. – Режим доступа: <http://smena.ru/news/2007/03/26/10434/> – Дата доступа: 26.03.2007.
3. Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М., 2000.
4. Рождественский Ю.В. Типология слова / Под. ред. В.В. Виноградова. 2-е изд., доп. М., 2007.
5. Rozwadowski J. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów. Warszawa, 1960. Т. III.
6. Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / Slavia. Praha, 1958. Roč. XXVII. Seš. 3. – С. 331–352.
7. Китайско-русский словарь. Пекин, 1992.
8. Трубачев О.Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) / Отв. ред. И.Б. Еськова. М., 2003.
9. Гордей А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск, 1998.
10. Гордей А.Н., Овчинникова А.Н. Методология изучения китайского языка с опорой на универсальные семантические категории / А.Н. Гордей // Третьи чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова: сб. науч. ст. Минск, 2009.
11. Задоев Т.П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. М., 1978.